

18+

Михаил Павлов

Вехи

Книга вторая. Шаг в неизвестное

Михаил Павлов
Вехи. Книга вторая.
Шаг в неизвестное

<https://litres.ru/74256914>

ISBN 9785007044554

Аннотация

Герой мистического романа — художник Иван Александрович — отправляется в Старую Рязань, чтобы создать иллюстрации к книге знакомого ему историка, Юрия Сергеевича. Однако удивительным образом он оказывается в мещёрских лесах, на кордоне. В этом заповедном месте происходит знакомство с хранителями и полное мистики и новых знаний путешествие в глубины собственного Я и познания природы бытия.

Роман не оставит равнодушным читателя, интересующегося мистическим познанием мира и историей нашей страны.

Содержание

От автора	5
Предисловие	6
Глава 1.	7
Глава 2.	31
Глава 3.	52
Глава 4.	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Веги

Книга вторая.

Шаг в неизвестное

Михаил Павлов

Редактор Людмила Владимировна Перекрестова

Иллюстратор Михаил Николаевич Павлов

Дизайнер обложки Михаил Николаевич Павлов

© Михаил Павлов, 2026

© Михаил Николаевич Павлов, иллюстрации, 2026

© Михаил Николаевич Павлов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4455-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-2033-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Уважаемый читатель! Не стоит искать ни людей, ни мест, описанных в этой книге, они являются вымыслом автора. Любые совпадения прошу считать случайностью.

Однако некоторые исторические факты, события, эзотерические откровения являются подлинными. Одни из них упоминаются в исторической литературе, другие получены на сессиях регрессии.

Предисловие

Я благодарен судьбе за то, что она время от времени сводила и до сих пор сводит меня с людьми замечательными, яркими и самобытными.

Оглядываясь назад, я не могу даже сейчас, спустя много лет, полностью осмыслить события столь замечательные, сколь и необычные, и даже до сих пор покрытые туманом неопределённости. И всё же я хочу поделиться частью пережитых мною приключений, оставив право судить о прочитанном тем, кому в руки попадёт моя рукопись.

Глава 1.

«Alea iacta est» — Жребий брошен

Июль. Необыкновенно жаркий в этом году. Огороды только поливай, зато с покосами закончили быстро, утром кошишь — вечером грабишь. Дашь сену чуть полежать в кучах, потом распустишь, дашь воздуха, повернёшь, на телегу и в сарай.

Сегодня спал на сеновале, как тогда, год назад, когда встретил Алёну. И как тогда, луна волчьим глазом светит в окошко сенника. Сено одуряюще пахуче и хрустко. Мне дали вольную, отпустили на ночь. Алёна с сестрой нянчат наследника, а я лежу, руки за голову, жую соломинку и смотрю на луну. Мне хорошо и спокойно. Можно сказать, что я по-настоящему счастлив. Будет ли так всегда? Не знаю... Надеюсь, что будет.

Уже второй день потакаю себе, не подхожу к мольберту, не думаю о будущем, наслаждаюсь настоящим. Хожу на рыбалку и в лес, нянчу сына и люблюсь Алёной.

Но я знаю, пройдёт время, и беззаботная пора подойдёт к концу, нужно будет двигаться дальше, думать о творчестве, кормить семью, на ставку директора сельского дома культура не пошикуешь. Но жить можно, конечно, с голоду не

умрёшь.

Сейчас у меня отпуск, и очередной раз звонил Юрий Сергеевич Пожарский, наш хороший знакомый и друг Константина Владимировича. Снова звал в гости, в Рязань. Опять настаивал на том, что только мои иллюстрации достойны украсить его труд — его книгу.

Книгу я прочел, и она мне понравилась. Писал Юрий Сергеевич так же легко, как и говорил. Текст ёмкий и эмоциональный, цепляет, заставляет читать, не отрываясь.

Но я с трудом «видел» место. Перед внутренним взором проносились сражения и штурм города, его гибель, но я не «видел» местность, образ не складывался, распадался на части. Если внешность главных героев кое-как сложилась, то общей картины не получалось. И этим я имел неосторожность поделиться в телефонном разговоре. Пожалуй, это была моя ошибка, Юрий Сергеевич сразу уцепился за неё:

— Иван Александрович, «*aquila non captat muscas*» — орёл не ловит мух. Вы же орёл! Вам обязательно нужно приехать. Я всё покажу! Всё увидите своими глазами! «*Out vintzere, out mori*» — или победить, или умереть, третьего не дано. Я жду вас в любое время. Обязательно приезжайте.

Я шёл с почты, где в переговорной кабинке полчаса меня увещевали и заманивали разными плюшками и калачами в далёкую неизвестную сторону, в Рязань.

Смятение в душе. Ехать не ехать, и если ехать, то как ехать. Ведь дома и Алёна, и маленький сын.

Но где-то в глубине души я уже начинал чувствовать зуд путешествия, но всё равно не сдавался, взвешивал все «за» и «против». Алёна сразу заметила во мне эту борьбу противоположностей:

— Что случилось? Ты говорил с Юрием Сергеевичем?

— Да, говорил. Зовёт в Рязань.

— И?

— Я не знаю...

— Сходи на речку, посиди, подумай. Не торопись.

Не жена — золото. Всё видит, всё понимает.

Взял удочку, ведёрко и пошёл.

Сидел в тихой заводи под старой ивой, смотрел на поплавок из гусяного пера и тёмную воду.

А солнце раскалённым белым шаром катится по высокому безоблачному небу, и в дальнем пруду кричит и полощется ребяшня. Их крики и визг совершенно мне не мешают, не отвлекают от мыслей, просто потому что их нет.

Поплавок замер на водной глади, вёрткая стрекоза уселась на него и отражается в воде, как в зеркале. И зелень кувшинок, и береговая осока, голубые мотыльки, облепившие флягу с водой и мои руки. Так был и сидел, смотрел на воду, не думал ни о чём. Недаром же древние говорили: время, проведенное на рыбалке, не засчитывается в счёт жизни.

Солнце уже клонится к горизонту. Неизменный его путь по небесному куполу от восхода до заката. Миллионы, а, может быть, миллиарды лет оно следует этим путем и что ему

наши человеческие заботы. Что ему бренность бытия, переживания, чувства, эмоции.

А от воды уже тянет свежестью, и тень наполняется прохладой. От деревни пахнет сеном и коровами. Моё обоняние как никогда остро. Так всегда бывает в минуты волнений, ещё не осознанных полностью, а только зарождающихся в глубине сознания. В такие моменты я даже краски различаю по запаху. Моё «Я» спорит само с собой. Из внутренней тишины родился этот нескончаемый диалог. Он растёт и крепнет. Я словно разделился надвое: одно «Я» хочет ехать, другое не хочет ничего менять. Их спор лишает меня тишины, во мне рождаются ненужные сейчас эмоции. Как я в такие минуты завидую тем, у кого всё просто и ясно, по полочкам, а у меня вечная мешанина из «да» и «нет».

По опыту я знаю, что решение придет само собой, что мне «подскажут» и эта река, и дальний лес, а тихие воды унесут мою грусть-печаль в дальние дали, за мхи-болота, за осиновы колода... Решение всегда приходит от сердца. Не от ума, вечно бунтующего, беспокойного, а от тихого, любящего сердца. Так всегда было и так всегда будет. От ныне и до века, и во веки веков, как говорит моя мама.

Пойду, пожалуй, домой. Утро вечера мудренее. Выпустил назад в реку пару плотвичек и бронзового карася размером с ладошку и пошёл по выбитой копытами деревенского скота дороге.

Деревня по взгорку сплошной стеной плетней отделилась

от лугов. Огороды, сады да бани, и всего два прогона для скота. Картина художника-минималиста, привычная и почти уже не замечаемая. А внизу остались река, замысловато петляющая по лугам, лес, темнеющий на том берегу.

Сколько же лет назад я сидел здесь же на взгорке, на этом же самом камне. Тогда я уезжал в Ленинград, и мне было не по себе. Я не знал, не мог знать, что там, впереди, что ждёт меня в городе на Неве, вдали от родного дома. И вот я опять здесь, и опять меня ждёт дальняя дорога. И вновь я не знаю, что меня ждёт вдали от дома.

Я смотрел на луга и реку, на далёкое стадо коров, а на душе, как перед прыжком над пропастью — пустота. Пустота до звона в ушах. Странное чувство, будто я уезжаю насовсем или что не вернусь прежним.

Сидел недолго. Сиди не сиди, а идти надо.

У прогона, за огородами, на своей любимой скамеечке сидел Фёдор Тимофеевич, старик безвредный, говорун и балагур. Он не носил ни усов, ни бороды и этими разительно отличался от деревенских стариков. На все подтрунивания неизменно отвечал: «А что мне борода? У кого род богатый, у того борода. А какое у меня богатство? Любушки моей, поди, уж 10 лет как нету, а сын растяпа да пьяница, вот и всё моё богатство. Одна отрада — невестка! Вот уж Бог послал, век молиться будешь, да не отмолишься за любовь да за ласку. Такое золото да такому охламону в руки. И из-за неё, из — за голубушки и не помираю, небо копчу, от супостата бе-

регу. А что про душу думать — без нас там все надумано».

Я знал, что он каждый день вечером ждёт свою невестку Софью. Она колхозный агроном и часто домой из посёлка возвращается через лес и речку, так много ближе.

В деревне шила в мешке не утаишь. Все знали, что дом держится на ней, что её непутёвый муж редко бывает трезвый.

— Ваня, сынок, уважь старика, посиди со мной.

В руках Фёдор Тимофеевич держал лёгкую из ошкуреной лозы палочку. Выцветшие от возраста его глаза слезились, и он часто вытирал их платочком.

— Ваня, старый я стал, помирать давно пора, да бог смерти не дает.

— Что вы, Фёдор Тимофеевич, живите.

— Куды уж там, живите, существую я, Ваня, силов больше нет за жизнь цепляться. Так вот ведь без смерти не умрёшь. Меня ведь, сынок, еще при царе—батюшке крестили. Мхом уже весь зарос, что твоя щука, что в позапрошлом году на Дарницких прудах спымали. Во-о, какой я старый. Эх... Мать частна! — Он махнул рукой. — Матушка всё по головке гладила да ласкала, младшенький я был. Четверо нас было-то. Лизавете, сестрице моей, когда я родился, уж пятый годок шёл. Всё нянчила меня, на руках носила. Мы с ней как ниточка с иголочкой были, куды она, туды и я. Старшие-то братья все по хозяйству с батюшкой. Эх, Ваня! Крепко мы жили, недостатку ни в чем не было. Ну и работали от зари

до зари. Пять коров, да лошадей тройка да овцы, да поросы-
ты... А уж гусей да кур не считали. Пчёлоч держали, сахару
на вкус даже не знали.

Вздыхнул, перекрестился:

— Прости меня, Господи. Земля им пухом... — Вытер
платочком глаза.

— А потом, значит, война гражданская, старый мир, ста-
ло быть, с новым лбом столкнулись. Старший братец-то Стя-
пан так и сгинул незнамо где. А мне уж двенадцатый годок
шёл. Сестрица, Лизавета, расцвела, похорошела. Пригляну-
лась ухарцу одному, да не по сердцу ей был, отказала. Так он
прямо на ярмарке с нагану застрялил. На смерть сразу...

Губы его задрожали, по морщинистой щеке покати-
лась крупная слеза. Он не стал ее вытирать, только рукой махнул.

— А потом и Ильи, маво второго братца, черёд пришел...
Лихой был, горячий. Когда раскулачивать нас пришли, ско-
тину со двора повели, не стерпел... Так его с жёнкой да с
детьми малыми завезли в неведому даль да зимой. Только
одно письмецо получили... Жив или нет — не знаю. Был бы
жив, прислал бы весточку.

Остались мы вдвоем с батюшкой. Матушка, когда Илью
забирали, упала как мёртвая, потом сгорела, как спичка.
Невдолге и схоронили. А я и так-то худой был, что твоя
жердь, а тут совсем расхворался, не помощник батюшке. Хо-
дил, ни жив, ни мёртв, в чем душа держится. И батюшка сам
не свой стал, все молчал да молчал. Схуднул да почернел,

а новой власти на поклон не пошёл. От старой яво жизни только я и осталси. Бывало, обнимет да молчит, а слёзоньки так и катитси.

Фёдор Тимофеевич снова вытер глаза платочком.

— Сработался батюшка, все меня выхаживал да по деревням плотничал да батрачил. Через это грыжу себе заработал, а от неё и помер.

Один я осталси. Худой да тощий, что глист в обмороке. Иду, а в глазах мухи белые лятають. Куды податься, никому не нужон...

Сговорилися мы с Ванькой Матвеевым, таким же горемыкой, да и пошли по деревням милостыню просить. Где накормят, где обогреют, а где и по шапке надают. Так и дошли до Петербургу. А потом разошлись кто куды. Встречались один разок на Аничковом мосту. Съели по корочке хлеба да разошлись снова. Вот так бывает, сынок...

На другом конце деревни слышались звонкие удары металла о металл, кто-то отбивал косу. Старик встрепенулся:

— О! О! Слышишь? Алексашка косу бьет! Эх, мать частна, лучше б я в поносе лежал! Спортит ведь косу! А в былые-то времена косы были! Железо от ногтя пять минут звенит! Как отобьёшь, не коса — лебедь белая! Трава сама под неё ложится! А ноне все не то. Железа, поди, жалеют, все на трактора, да на машины изводят, арапланы по небу пускают.

Вот, сынок, живёте вы сейчас, как у Христа за пазухой, а того и не знаете, как хорошо живёте. Всё-то у вас есть: и

школы, и работы вдоволь и государство не обижает. А мы-то горюшка через край хлебнули, не дай Бог вам...

Старик постучал своей палочкой по земле, посмотрел на лес за рекой:

— А чаво, сынок, на реку-то ходил? Рыбачить? Али как? Или какая другая нужда? Рыбы-то, смотрю, не несёшь.

— Так, подумать хотелось, в тишине побыть.

— В тишине завсегда хорошо побыть. Особливо, когда дети малые. Твоему-то сколько?

— Два месяца, третий...

— Ишь ты! Давно ль Алёнка в школу бегала, а уж скоро и свои детки побегут.

— Ещё нескоро.

— Ой, сынок, время, как птица, пролетит, не поймаешь. Как один день пройдёт. Поверь мне, старику.

— А я вот внуков не дождусь, — Фёдор Тимофеевич вздохнул. — Мой-то, шалопай, седина в волосах, а всё по шалманам. И было бы с чего. Жёнка хорошая, работающая, не гуляющая, всё при ней, всё в ней хорошо... А этот же пень стоеросовый... Я уж ей говорю: хоть от другого кого ребя-тёнка заведи, все душе отрада. А она: не могу, говорит, люблю яво. Вот и возьми ты этих баб за рубль двадцать. Иная гуляет налево, направо, сам чёрт ей не брат, а у этой муж — отравя, а она — не могу.

— О, как я! Налево, направо, муж — отравя! А! Чем не Пушкин! — Он засмеялся стариковским дребезжащим сме-

ХОМ.

— А вот и есть отрава. Что тут скажешь... Ничего больше не скажешь. Матери жизнь отравил, так и схоронили без яво, супостата. Валялся где-то пьяный. И Софьюшка от яво всё терпит, страдает. Иной раз руку на неё подымет, так я его палкой по хребтине, окаянного. Ему молится на неё надо, а он с кулаками.

Старик опять вытер платочком глаза.

— А на реке-то, поди, хорошо! Вона как солнце на плёсе играет! Лавливал я там язей на горох. Скусная рыба язь, я тебе скажу! А раков тама тьма тьмушая была. По норам да под корягами. Лавливал раков?

— Ловил.

— Эх, мне б годиков 30 скинуть! Или хотя бы 20... А что, Ваня, в городе сейчас как? Я токмо после войны, после Отечественной, в городе был.

— Хорошо. Город растёт. Нормально в городе. Работы вволю, музеи, театры, цирк.

— Вона как... А я смотрю, ты невесёлый. Аль случилось что?

— Да, нет, думаю просто. Работать зовут, а ехать далеко.

— Как далеко?

— В Рязань.

— В Рязань! Слышал, далеко. У нас в Харитонове жила одна рязанка. Ой вредная была баба, склочная. Мужика сва-во почём зря поедом ела, а как заболел мужик-то, так все

глаза выплакала. А что работа надолго?

— Не знаю, дедуль. Недели две, наверное, не меньше.

— Две недели — не год. Ничего тут без тебя не случится. Алёна твоя баба хорошая, чай не одна, справится. Да, не смотри ты так... Ишь, невидаль, бабой назвал. Сына родила, вот и баба. Обабилась значит. Кабы дочка была, стала бы молодухой. Иные в молодухах помирають, коль бог сына не даёт. А у тебя сын — наследник! Радуйся!

В огороде всполошилась курица. Дед насторожился:

— Так её, Барсик! Так! Неча по огородам шастать. Все куры как куры давно по насестям сидят, а эта, шельма, всё в огород норовит. Ох, Ваня, сынок, я через таку тварину чуть до цугундера¹ не дошёл. Завелась такая вот стерва, всё в огород к соседям норовит. А Прошка, сосед-то, земля ему пухом, здоровый был, что твой бык-двухлеток. Шея — во, нога моя тоньше. А кулачище, ну, что твоя кувалда.

Сижу, значит, думаю, пью чай, а эта паскуда, значит, через забор летом и Прошке на гряды. И откуда в ей смозолу², голова-то с ноготь, а все туды. Прошка-то, значит, в ту пору в огороде случилси. Смотрю, кинулся по куре-то камешком и так ловко попал, что сразу насмерть. Лежит куря, ногами дрыгает, а он яё берёт да меж тынин головкой вешает, мол, сама перелетела и удавилась ненароком. Ну, я туды, к Прошке, мол, нехорошо так делать. А он набычилси и смотрит на

¹ Тюрьма (устар.).

² Понятие (устар.).

меня, как паровоз на вошь. Ну, слово за слово, и зацепились. Он кулаком своим у меня перед носом водит, а мне и сказать нечего. А кровь-то кипит, что твой кипяток. И, на беду, в кармане складешок оказалси. Кровь в голову ударила, и я, что того фрица на фронте, разделал Прошку под орех. Одежду порезал и по лёбрам разок прошёлси. Кровь-то как схлынула с головы, сам не свой, а Прошка по деревни бежит, орёт благим матом и только пятки сверкають.

Фёдор Тимофеевич засмеялся. В горле его что-то забулькало, он закашлялся, вытер проступившие слёзы.

— Грех смеяться, а не могу, как вспомню, вошь-то паровоз напугала. Любушка моя в ногах у него валялась, да и я поклонился: прости, говорю, чёрт попутал. С фронта опосля контузии, как найдёт, сам не рад.

Распили мы с ним мировую и участковый ход делу не дал, спас старика. Вот такие бывают дела, сынок.

Дед вдруг встрепенулся:

— Посмотри-кась, никак там Софьюшка идётъ?

— Да, Софья Андреевна.

— Она у меня агроном! — Старик поднял палец верх. — Не хухры-мухры! Анституты за плечами! Поди, убегалась опять по полям. Надо председателю сказать, чтоб дал ей машину какую, вона их скока в колхозе, поди не обеднеет. Да хоть мотопед какой! Хватит ей ножки свои бить. А ты, сынок, не думай, езжай. Не поедешь, потом жалеть будешь. Жисть пройдет, а вспомнить нечего. Не думай, едь! Мы, ста-

рики, вдаль хорошо видим, а что вчера было, не помним.

Фёдор Тимофеевич неожиданно легко поднялся со скамейки и по-стариковски засеменил к калитке в сад. Казалось, что еле заметный ветерок, задувший с вечера от реки, несёт его своим легким дыханием. Худенький, тщедушный, в чём душа держится. Не зря, наверное, в деревне называли его «луковой шелухой» или Федя-шелуха. Ветер дунет и сорвёт с места, полетит, не догонишь.

Он ушёл, а я остался сидеть на лавочке под дубом. Скоро здесь начнёт собираться народ, встречать скотину с поля, и вся эта тишина, покой развеются, разлетятся, как клочья утреннего тумана.

Задумался и не заметил, как подошла Софья Андреевна, невестка Фёдора Тимофеевича.

— Добрый вечер, Иван Александрович, — она устало присела на скамейку.

— Добрый вечер, Софья Андреевна!

— Что, Фёдор Тимофеевич уже ушёл?

— Ушёл. Увидел вас и домой побежал.

— Побежал... — Она улыбнулась. — Вот неугомонный старик! А я сегодня припозднилась, на машину опоздала. А мой дома? Не знаешь?

— Не знаю, Софья Андреевна.

— А ты что же тут? Алёна как?

— Алёна хорошо. А я на реку ходил.

— Что ж, не поймал ничего?

— Да нет, подумать хотелось. Работу предлагают, да ехать далеко.

— Как далеко?

— В Рязань.

— Да, километров 800, не меньше. Я была в тех местах на практике. Красиво там. Леса все сосновые, грибов тьма, а запах смоляной, лёгкий такой, что душа радуется. Здесь другой запах, еловый, он тяжелее, гуще как-то. А там сосны да дубы, да березы. Красиво. А что за работа?

— Иллюстрации к книге.

— Тогда надо ехать. Мы уйдём, а книги останутся, а, значит, и ваш труд, и память о вас будет жить. Это путь в вечность, Иван Александрович.

— Софья Андреевна, какой я вам Иван Александрович? Вы же меня еще в детском саду помните.

— Имя и уважение заслужить надо. Мой как был Стёпкой Кургузым, так и помрёт, до отчества не дорос. А про вас что можно плохого сказать? Ничего! Талант, нос не задираете, работать любите. Вы простой, доступный. Таким и оставайтесь.

Ну, ладно, Иван Александрович, пойду я. Старик мой, наверное, уже все глаза проглядел, ждёт. И скотина скоро с поля пойдёт, встречать надо.

Софья Андреевна приехала в наш колхоз по распределению. Я помню ее весёлой и улыбающейся, в ней еще не бы-

ло той усталости от жизни, что видится сейчас в её глазах. Улыбка была её верной спутницей, ямочки на щеках так были ей к лицу, что никто не оставался равнодушным, даже склочная и зловредная баба Герасиха неизменно улыбалась ей в ответ и называла не иначе как Софьюшка.

Софья Андреевна часто приходила к нам в детский сад, наша нянечка Ирина Анатольевна была с нею одного возраста, они крепко дружили.

Я помню и ее свадьбу, с шумом проведённую в сельском клубе. Помню и то, как мать говорила: «Пропадёт девка почем зря, не такой мужик ей нужен!» Этот день я хорошо запомнил потому, что в самый разгар гулянья случилась страшная гроза. Молнии зигзагами чертили небосвод, а гром грохотал так, что прижимал к земле. Было страшно. Соседка, баба Климиха, зашедшая к нам в гости, крестилась на иконы и плакала о Софье Андреевне, видя в стихии недобрый знак.

Прошло совсем немного времени, чтобы деревня убедилась в её правоте.

Степан, муж Софьи, был старше её на 10 лет, но моложав и красив лицом. Он был гуляка и ходок. В нем было что-то, что тянуло к нему женщин, и к своим, на то время 35 годам, успел он разбить две семьи.

Первое время в деревне радовались женитьбе, говорили: наконец-то и на Стёпку нашлась управа, захомутали его. Но свадьба отпела, отгуляла, а потом всё пошло так, как пошло. Не раз и не два видели, как Софья ночью, в одной рубахе,

выскакивала из дома и бежала по деревне куда глаза глядят. А потом на ее руках, а иногда и на лице, появлялись синяки и кровоподтеки. Один раз зимой чуть не замерзла совсем, вовремя увидели и отогрели, а врачам каким-то чудом удалось спасти пальцы на её ногах.

Да, деревня... Здесь шила в мешке не утаишь, всё на виду. Бабы поносили Степана в глаза и за глаза, а мужики не раз и не два учили уму-разуму по-своему, по-мужски, но всё оставалось так же, как и было. Свою злобу он вымещал дома, на жене. Его мать вся иссохла и болела не переставая, глядя на то, что творит её «кровинушка», а Фёдор Тимофеевич, хоть и не отличался физической силой, но за невестку стоял горой, и Степан побаивался его, помня случай с соседом.

Каких два разных человека — отец и сын. Фёдор Тимофеевич души не чаял в своей супруге, чуть на руках не носил, а его сын, Степан, «супостат», свою бил почём зря. Может, поэтому не было у них детей, может, не хотела Софья Андреевна детей от него. Боялась... Что мог дать такой отец? Любовь? Ласку? Вряд ли... Почему тогда не ушла? Кто знает... Человеческая душа — потемки...

За размышлениями не заметил, как дошёл до дома. Алёна сидела в саду на скамейке, наследник мирно спал в коляске, занавешенной тюлем от вездесущих комаров. Присел рядом. Она вздрогнула, увлеклась чтением.

— Не заметила, как ты подошёл.

— Интересно?

Взглянула на меня, и вновь я утонул в этих глазах! Невозможно отвести взгляд!

— Ты знаешь, увлекательно, читаю с удовольствием. Это, конечно, не Ян, но написано хорошо. А ты как сходил? Что надумал?

— А что тут придумаешь...

— Мне кажется, что ты хочешь поехать.

— Это может затянуться.

— Я знаю. Но рукопись интересная, и я чувствую, что тебе надо ехать, ты этого хочешь.

— А как же ты? А как...

— Недавно уснул. А что с нами может случиться? Подождём немного, поскучаем. Это не смертельно.

— Я хотел бы поехать с тобой...

— Ну, ты же знаешь, сейчас никак... А для тебя важно.

— Там не заплатят много. А если заплатят, то не сразу.

— Ну и что. Что нам, есть нечего что ли?

— Я так хотел бы поехать с тобой!

— Ну, что поделаешь, не получилось. Потом съездим вместе. Не последний день живём.

Милый мой, дорогой человечек! Как же я тебя люблю! Как я жил без тебя раньше!

Прижал ее к себе.

— А помнишь, как мы познакомились с Юрием Сергеевичем?

— Конечно, помню.

Юрий Сергеевич... Тяжело не запомнить этого человека. Он словно заполнял собой всё пространство и время, он был везде. Его бархатистый голос, казалось, проникал прямо в душу, а глаза светились внутренней силой человека, абсолютно уверенного в себе.

Осенью прошлого года мы с Алёной приехали в Ленинград и не могли, по случаю, не заехать в Пушкин, провести давнишнего знакомого, приятного во всех отношениях старого востоковеда Константина Владимировича, одинокого, овдовевшего пару лет назад. Мы долго бродили по паркам, любовались жёлто-багряной листвой, а потом пили чай с жасмином у него в гостях. Неспешные наши беседы прервал дверной звонок, и тихая до этого времени квартира Константина Владимировича наполнилась звуками.

Хозяин наш неузнаваемо изменился, казалось, присутствие нового гостя добавило ему сил, и с десятков лет исчез, улетучился.

— Дорогой мой Иван Александрович, несравненная Алёна Викторовна! Позвольте представить вам моего друга из славного города Рязани. Знакомьтесь, Пожарский Юрий Сергеевич! Он настоящий профессор и просто хороший человек!

Мы пожали друг другу руки, Юрий Сергеевич раскланялся с Алёной, поцеловал ей руку, чем немало смутил мою супругу.

— Слепну от вашей красоты, Алёна Викторовна! Вы из

тех женщин, коих материнство делает еще красивей.

Константин Владимирович смеялся:

— Юра, ты настоящий змей-искуситель. Современные женщины впадают в ступор от великосветских проявлений и изысков. Современность не вычурна, она проста, прямолинейна, прозрачна, как родниковая вода, но от этого не теряет ни свежести, ни красоты, ни привлекательности. Алёна Викторовна, не тушуйтесь, Юра — душа-человек, истинный интеллигент, даже я не знаю, в каком колене.

— Да будет вам меня смущать, — забасил Юрий Сергеевич, — пожалуй, я сам сейчас начну краснеть от ваших комплиментов.

Мы смеялись.

За разговором незаметно переместились в гостиную и уже вчетвером, как старые знакомые, болтали на разные темы.

Юрий Сергеевич на первый взгляд был полной противоположностью хозяину квартиры. Крепкий, немного лысоватый шатен за сорок. В нём сразу читалась европейскость, в хорошем смысле этого слова. Казалось, он пахнет Лондоном и Парижем, знойной Ибицей и тяжёлым Римом. Непривычным казались утончённость манер и некий лоск человека, получившего не только высшее гражданское образование, но и хорошую выучку светского воспитания, изрядно уже позабытого в СССР. Хотя, может, и сохранившегося кое-где в специальных институтах международных отношений. Во всяком случае его манера держаться была не наиграна, а

смотрелась естественно и гармонично.

Как оказалось, я был недалёк от истины, за его плечами оказались два высших образования, и одно из них он получил в столичном институте международных отношений.

— Иван Александрович, у него и супруга француженка!

— Да, полноте вам, — смеялся Юрий Сергеевич, — и не совсем она француженка, великоросска, старой, еще царской закалки. А то, что родилась и выросла под марсельезу, ни о чем не говорит. По духу — россиянка!

— Спорить не буду. Но всё же страна проживания накладывает свой отпечаток на привычки и менталитет. А то, что сохранили родной язык — низкий поклон!

— Да что вы, в самом деле! Константин Владимирович, хватит гостей смущать!

Было интересно наблюдать, как воркуют два старых приятеля, явно знакомых не один год.

Впрочем, чувства неловкости не наблюдалось, нашлись и общие интересы, и привлекательные для всех темы разговоров. Я был рад, что и Алёна легко вписалась в нашу мужскую компанию. Тем более, что два вышеупомянутых джентльмена были не просто эрудитами с отточенными годами научной работы интеллектом, но и обладали утончённым чувством юмора и, само собой разумеется, такта.

Разговоры о театральном искусстве, живописи и литературе плавно перетекали на бытовые темы, и Юрий Сергеевич делился рецептами французской кухни, столь подробными и

полными деталей и тонкостей, что не оставалось сомнений в том, что он сам не раз и не два стоял, как говорится, у плиты.

— Юре скромность не позволяет признаться, что он автор замечательной книги о французской кухне, — раскрыл очередной секрет Константин Владимирович.

— Всё, что знаю и умею — всё от моей Натали. Если бы не она... Моё холостяцкое застолье до сих пор было бы скромным, можно сказать, аскетическим, ведь я порхал из одного учебного заведения в другое. Алёна Викторовна, знайте, умная женщина способна вырастить крылья, наверное, у любого прагматика! А я еще тот прагматик, можете мне поверить. По духу мне ближе Италия, Рим. Конечно, не в теперешнем виде, а тот, древний, времён Республики, с его чеканкой, лаконичной речью, легионами, тяжёлой поступью, покоряющий мир, прямой и гордый! Вот чем я грезил во сне и наяву. Наташа принесла в мой мир мягкость французской речи, песни под аккордеон, Эйфелеву башню, Лувр, тишину Нотр Дам де Пари и, конечно, французскую кухню. И я увлёкся! И, как истинный увлечённый человек, не смог устоять перед возможностью оставить моё понимание, моё отношение к известным рецептам на бумаге. Можно сказать, книга писала меня. Она родилась из заметок и наблюдений. На самом деле, там больше про характер, атмосферу и жизнь французской глубинки, чем про кухню. Ведь я почти год добивался благосклонности великолепной девушки, украсившей мою жизнь новыми красками, новым пониманием самой

сути жизни. У нас прекрасная дочь Софья, Софи. Нежная утонченная натура. Музыцирует и пишет стихи, как мать. Я горжусь своей девочкой! Ей скоро шестнадцать. Я искренне желаю вам познать всю радость материнства и отцовства.

Юрий Сергеевич говорил легко, непринуждённо. В нём чувствовался опытный оратор. Он легко увлекал и увлекался сам. И эта его искренность еще больше подкупала. Немудрено, что они с Константином Владимировичем легко нашли общий язык. «*Similis simili gaudet*» — похожий радуется похожему, как сказал бы Юрий Сергеевич.

Глава 2.

Разговоры

— Учёные на самом деле религиозны. Доминирующая теория становится их верой и религией. И ради неё, ради своей «веры» они готовы уничтожить любое инакомыслие. И это не шутка. Они лишат оппонента званий, отнимут возможность зарабатывать, занимаясь любимым делом. И всё это для того, чтобы остаться на своих местах, чтобы их идол — принятые на веру большинством теории — продолжали существовать. Пусть даже и во вред прогрессу человечества.

Я всё время думаю: что с нами произошло? Как мы стали такими? Что изменилось в человеке со времён эллинизма. Ведь тогда было место любым воззрениям, любым теориям, любым взглядам на мир. За это не убивали! Да, спорили! Да, были непререкаемые авторитеты, но истина всегда рождалась в спорах, а не на полях сражений. Истина не требовала убийств!

Я думаю о том, что в те времена ещё сохранились и сохранялись знания, пришедшие от предыдущих цивилизаций.

— Что вы имеете в виду?

— Конечно, Атлантиду! Наверное, потому, что она на слуху. Предания многих народов сохранили о ней память. И это ведь неспроста, дыма без огня не бывает. Да вспомним хотя

бы «Диалоги» Платона. А египетские Сфинкс и пирамиды? И не только они. Ведь ещё есть пирамиды южно-американские. А вы знаете, Иван Александрович, что пирамиды есть и в Китае?

— В Китае?

— Да, в Китае. Вы наверняка слышали о Великой Китайской стене, но, как многие из нас, не знали о пирамидах Китая. Впрочем, есть пирамиды и у нас. Просто на эту тему не принято говорить, ибо тогда рухнут все исторические шаблоны. Всё то нагромождение официальных фактов, доктрин, закостенелого скептицизма, скрывающего за собой систему ментального закабаления человека.

Слом ментальной свободы, принуждение к безграмотности, закабаление официальными догмами стало возможно тогда, когда по миру зашагала новая религия. Она пришла под знаменем любви и под этим же знаменем чуть позже рушили античные храмы, убивали и сжигали на кострах инакомыслящих. Старых богов не просто забыли, уничтожали даже память о них. Запах горелой человеческой плоти, чёрный дым инквизиции надолго затянули Европу.

Знал ли тот великий и мудрый странник, что принёс с собой любовь, надежду, что отдал себя в жертву во имя сострадания к порокам человеческим, что те, кто жаждет власти и денег, втопчут память о нём в грязь, извратят его слова, а его именем будут совершать величайшие злодеяния. Как тут не вспомнить его же слова: «Не давайте святыни псам

и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас»³. И его растерзали, распяли на кресте и на этом же кресте распяли многие народы, превратив их в безропотных рабов. Вновь созданная религия как вирус проникала в тела цивилизаций и разрушала их изнутри. Всё умное, всё красивое, всё непохожее безжалостно уничтожалось. Слепая вера, страх и подчинение, тьма безысходности. И воздастся вам...

Юрий Сергеевич помолчал.

— 313 год нашей эры, я думаю, можно считать началом конца широкой философской мысли. Миланский эдикт⁴ сделал возможным потерю памяти, сон и забвение человечества. Он лишил народы наследия и памяти прошлых поколений, научных достижений и по большому счету будущего. Куда делась веротерпимость тех, кто до 313 года скрывался в катакомбах? Нет худшего хозяина, чем бывший раб. А новая религия говорила: терпи здесь, и воздастся тебе на небесах. Терпи, потому что раб божий. Не человек, а раб! Поэтому была сожжена Александрийская библиотека, поэтому уничтожали пергаменты, папирусы, а потом топили в крови даже саму идею грамотности.

Неприкасаемых не было перед гневом новых пророков. Ни титулы, ни власть, ни деньги, ни происхождение не сто-

³ Евангелие от Матфея глава 7, стих 6.

⁴ В 313 году в городе Медиолане (нынешний Милан, Италия) римский император Константин Великий огласил эдикт, которым он легализовал христианство.

или ничего. И даже корона не спасала, её снимали вместе с головой. Канули в лету свободолюбие, воля и независимость. Всё это становилось собственностью новых проповедников, новых мессий. Умерла вера под золотом!

Жажда знаний приводила на костёр. Умение читать — костёр! Не похож на других — костёр! Слишком красивый — костёр! Неудивительно, что при таком отношении в Европе сейчас мало красивых людей. Веками уничтожать красоту, грамотность, тягу к знаниям — это не проходит бесследно.

— Неужели все так грустно?

— А как вы думаете, Иван Александрович? У нас привыкли преклоняться перед Европой. Вернее, нас приучили к этому. Не разом, исподволь.

Я долго жил там. И не в одной стране. Вы думаете, там молочные реки и кисельные берега? Как бы не так! Если ты мыслящий человек, то поймёшь, увидишь, почувствуешь, ощутишь порочность и лицемерие этой химеры. За красивым фасадом, за блеском витрин и красотой неоновых огней скрывается алчность. Всё ради денег, ради наживы. Упадок морали, духовная нищета, стремление к наживе, во главе угла — деньги. Всё ради них! Власть имущие купаются в роскоши, средний класс сводит концы с концами, а работяги вынуждены трудиться, не покладая рук, чтобы выжить.

Пожив там, ты понимаешь, что те, кто у власти, всегда смотрели и будут смотреть на Россию, на СССР, как на праздничный пирог и как на врага, ибо мы другие. Пусть мы

по-детски наивны, пусть у нас нет блеска и показной вычурности, зато мы сохранили себя, в нас жива совесть и стремление к справедливости.

Поэтому Запад всегда боялся и ненавидел нас. Всегда! Их крестовые походы были в прошлом, и я думаю, будут в будущем. Пока мы существуем, мы будем для них опасны.

— Юра, не сгущай краски, не надо. Грядущее нам неизвестно, и как ты знаешь, оно многовариантно. И мы не такое уж идеальное общество. Все мы люди—человеки, и стремление к совершенству заложено в нас изначально. Просто каждый идёт своим путём. Разные цивилизации, разные подходы. И говорить о том, что Европа была безграмотной, я думаю, будет не очень правильно.

— Да, Константин Владимирович, и там были грамотные люди. Но когда они массово появились?

Я представляю, как страдала дочь Ярослава Мудрого, Анна, выданная замуж за французского короля Генриха I, от его невежества, ведь даже расписывался он по трафарету, что, впрочем, не было чем-то необычным для того времени. Сама она твёрдой рукой подписывала документы кириллицей, а потом по-французски. И давайте не будем забывать о том, что французские короли присягали на Евангелии, написанном кириллицей и глаголицей, и считали написанное «языком ангелов».

Возможно, это Евангелие во Францию привезла и не Анна, я допускаю это. Но ведь нельзя отрицать и то, что эти

две части Евангелия были написаны кириллицей и глаголицей. Это исторический факт. Пусть они были переплетены в один том позднее, но в любом случае велика вероятность того, что кириллический вариант был привезён именно Анной, вместе с другими книгами. К тому же он и датируется XI веком. Во всяком случае, о России того времени можно с полной уверенностью говорить как о грамотной державе. Вспомните хотя бы берестяные грамотки, найденные в том же Новгороде. Простые крестьянские дети писали друг другу! А в Европе в это время за грамотность сжигали!

— А как же крепостное право?

— Крепостное право? Вы правы, тёмные века, закабаление народа, лишение его прав и возможностей — всё это было. Но когда! Первые зачатки жестокости, нетерпимости к братьям по крови пришли с проникновением на нашу землю чуждой, агрессивной, нетерпимой религии. Как волк в овечьей шкуре пришла она на Русь. Она уже была сильна там, на Западе, уже набрала силу, приобрела возможности, уже были опробованы и техники, и технологии влияния и перформативирования сознания. Достаточно капли яда, чтобы погубить здоровый цветущий организм. Чёрные сутаны не гнушались ничем: лицемерие, подкуп, убийства, и всё это под знаменем любви! Обратить язычников в «истинную веру», превратить в рабов и жить за счёт них. Но Русь и здесь, в силу своего языка и менталитета, сумела по-другому осмыслить навязанную веру.

— Что вы имеете в виду?

— Я говорю о том, что у нас не было инквизиции и костров.

— Я с вами не соглашусь, Юрий Сергеевич, — Константин Владимирович, молчавший до сих пор, вступил в разговор. — Были и на Руси костры инакомыслия. Вспомните о сжигаемых заживо раскольниках.

— Да, такое было, с этим не поспоришь. Но когда! — Горячился Юрий Сергеевич. — Когда! Ведь до этого был Сергей из Радонеги. Его прочтение, его трансформация, переосмысление привнесённой веры надолго спасло Русь. И не просто спасло, а сплотило под знаменем нового понимания и человеколюбия. И я подозреваю, что Сергей был непростой человек. Я думаю, что он был из тех, кто сохранял и нёс искру знаний ушедших эпох. И зло отступило, затаилось. Оно выжидало подходящий момент, а дождавшись, ударило в спину — произошёл раскол. И вновь брат пошёл на брата, и тех, кто остался верен старой, Сергия, вере называли раскольниками. Хотя они-то как раз и были, и оставались верными устоям. Излюбленный приём западников — лицемерие и ложь. Изврати и обвини в этом других. И тогда принялись искоренять старообрядцев, так же как до этого искореняли веру старых богов — огнём и мечом. И снова алчущие власти и золота подняли свои стяги. И не было спасения: ни титулы, ни благородство родов не имели значения. Вспомните хотя бы боярыню Морозову!

— Но как такое было возможно, ведь в руках у тех, кто был наверху, находились и власть, и деньги.

— Да вы правы, Иван Александрович. Да, была и власть, и были деньги. Именно что была. Вспомните 1612 год, очередная попытка покорить Русь мечом. Ещё один шаг к порабощению державы. И пусть у них не удалось наскоком захватить и покорить, но кое-что у них всё же получилось. Они уничтожили представителей старой династии и привели к власти Романовых, близких им по духу и крови.

— Вы думаете, что это спланировано? Что это для того, чтобы изменить веру?

— Да, Иван Александрович, я думаю, что это звенья одной цепи. Ведь именно тогда и закрутилось колесо окончательного порабощения. Невозможно победить народ, не взломав родовой код, не уничтожив память поколений. Они пытались и раньше, но поняли — на Руси это невозможно сделать единовременно. Самосознание народа, его самоорганизованность стояли крепкими щитом. Народ поднялся бы и смёл все наносное, чуждое. Нужно было уничтожить саму память, подрезать корни, привить ростки написанной ими, врагами, истории. А для этого нужно было проникнуть во власть, и Романовы преуспели.

Оболгать, уничтожить и заменить. Вот и всё, что требовалось от них. И они старались. Уничтожались родовые книги, уничтожались целые рода и приводились к власти новые, заинтересованные в том, чтобы закрепиться, занять место

безвинно убиенных. Память народная стиралась безжалостно, до основания. Взрывались храмы, сбивались фрески, могильными плитами мостили дворы, пресекалось инакомыслие, порабощался народ, наступали тёмные века. Именно тогда, окрепнув, враг предпринял ещё одну попытку уничтожить саму душу народа. Раскол! Гонения!

И именно тогда запылали молельные дома вместе с приверженцами старой веры, с теми, кто оставался верен, кто хранил память и ещё питал надежду. Или вы думаете, что люди, искренне верующие в то, что самоубийство — величайший грех, сами себя сжигали? Это смешно и не может быть правдой.

Я утверждаю, именно с приходом Романовых на Русь пришли тёмные века. Народ был закабалён, лишён грамотности, низведён до состояния скота. Его покупали, продавали, разлучали семьи, меняли на вещи и скот. Рабство пришло на Русь. В самой тяжёлой извращённой форме.

Константин Владимирович молчал. И я молчал. И если для него в этом откровении, скорее всего, не было ничего нового, неизвестного, то для меня, никогда не задававшегося такими глобальными вопросами, речь Юрия Сергеевича была полна неожиданных открытий. Как говорил Александр Сергеевич Пушкин: «И случай, бог изобретатель». Я понял одно — после сегодняшней ночи, сегодняшнего разговора, я уже не буду прежним.

Мысль работала лихорадочно. Я вдруг понял, что очень

мало знаю, что знания и умения мои узконаправленны, и это не позволяет получить полную, истинную картину мира. Я никогда не задавался глобальными вопросами, мне достаточно было быть здесь и сейчас, — ограниченный узкими рамками мир обычного человека. Ну, пускай не совсем обычного. Всё-таки мой личный мир несколько богаче жизни простого труженика, рабочего или крестьянина, да даже конторского служащего. Всё-таки, творческая жизнь полна, пусть и узконаправленна, открытий и озарений.

Но я так быстро не сдавался, и школьный курс истории помнил достаточно хорошо.

— Но ведь была революция, и царская власть была разрушена.

— Да, да... Революционная ситуация, низы не могут жить по-старому, верхи не могут управлять по-старому... Мы наш, мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем... Ирония судьбы заключается в том, что к концу XIX века Романовы уже не были теми Романовыми, что когда-то пришли к власти. Они уже достаточно обрусели, изменились и стали мешать.

— Вы хотите сказать, что не народ их сверг?

— Нет. Россию прошлого уничтожили руками народа на чужие деньги. Любому процессу нужен катализатор. Системы, в том же числе государственные, достаточно инертны, стабильны, и чтобы их расколоть, нужны время, подготовка, технология, запускающая процессы разложения, сообщни-

ки, находящиеся у власти, и подготовленные «вожди». Любой другой бунт — это просто бунт и ничего более. Если властная вертикаль крепка, система стабильна, любой бунт подавляется. Нам ли это не знать. Россия переживала и бунты, и восстания. И Пугачев, и Разин, и декабристы. Чем все это закончилось? Нет, революции питаются извне и имеют многолетнюю подготовку. Не год, не два — десятилетия. Информационные вбросы, разложение общества, подкуп, шантаж, террористические акты — всё это звенья одной цепи и имеют общий центр, общее руководство.

— Но для чего всё это? Зачем менять систему, если она стабильна.

— Перераспределение. Всегда есть те, кому надо больше. А для этого надо посеять хаос, управляемый хаос. И на гребне этой волны занять место тех, кто низвергнут. Прийти к власти. Кроме этого, Россия была, есть и будет костью в горле для тех, кто ещё не насытился, кому всё мало, кто ещё не добился мирового господства. Да, капиталистическая система — это раковая опухоль, поедающая и саму себя, и здоровые клетки кругом. Вся система, капитализма — это система потребления, ненасытная, ведущая к деградации, ибо единственная её цель — контроль и потребление. Всё только ради потребления.

— Вы думаете, что и на СССР нападут?

— Дорогой мой Иван Александрович, Вы забываете уроки Великой Отечественной. Нападут, и всегда будут напа-

дать. Даже самые неприступные крепости брали, найдя сообщников внутри. Всегда найдутся предатели, те, кому мало, те, кто хотят больше, те, для кого личное дороже всего остального. Им нужно сейчас, они не думают о будущем человечества, их не волнует судьба братьев по крови, для них личное дороже всего остального. Им нужно сейчас. Себе, себе, себе... Только «Я» на первом месте. У таких людей не может быть ни любви, ни совести. Ибо настоящая любовь не требует ничего взамен, а совесть — это больше о других, чем о себе.

— Вы думаете, что СССР когда-нибудь исчезнет?

— Я философ, а не астролог. Делать прогнозы — дело не моё, к тому же весьма неблагоприятное. Но давайте посмотрим на исторических примерах возможность такого развития событий. Когда мы говорим о великих цивилизациях прошлого, то на ум невольно приходит Римская империя. Конечно, были великие цивилизации до и после, но именно Римская на слуху. Наверное, потому, что в школьной программе этому этапу развития человечества уделено достаточно много и места, и времени, она хорошо изучена и известна. Нам хорошо известно, как возникла Римская империя, период её расцвета и её гибель. Все три этапа хорошо описали даже в школьных учебниках. Войны, восстания рабов, внешние вызовы и угрозы... Но давайте попробуем посмотреть чуть глубже.

Возникнув, можно сказать, на пустом месте, она расши-

рялась, крепла, становилась мощной и технологичной. Достигнув огромных, по тем временам, размеров она какое-то время процветала. Казалось, ничто не предвещало печального завершения её существования. Так что же послужило началом её конца, так сказать, стало триггером, запустившим процесс гибели?

Мы не будем подробно, пункт за пунктом разбирать причины гибели Рима, остановимся, на мой взгляд, на основных. И самой главной из них я вижу отход от изначальных принципов идеологии, лежащих в основе построения общества. Рим развивался и процветал до тех пор, пока они главенствовали в умах его граждан. Всё остальное, как мне кажется, вытекает из этого положения. Коренных римлян поразила недуг — социальная апатия. Они были богаты, имели земли и рабов, их уже не интересовало ничего, кроме пиров и развлечений. Позабыты идеалы гармоничного развития, служения обществу и своему городу-государству. На смену этих основополагающих принципов пришёл нравственный упадок. Исчезли скромность и бережливость, философские беседы сменились развратом, исчезли благородство, дружба, взаимовыручка, доброта. Вместо них пришли праздность и безделье, богатство и погоня за наживой, вседозволенность и использование служебного положения. Семья, семейные ценности отошли на второй план, им на смену явились разнузданность, нескончаемые плотские утехи, расцвет гомосексуализма. Женщины отказывались рожать, боялись по-

терять красоту и предпочитали детям бесконечное пиршество плоти. И общество начало стареть, наступил демографический кризис. Никакие меры на государственном уровне для увеличения рождаемости не помогли. Смертность начала превышать рождаемость. И тогда варварам разрешили селиться на римских землях. Постепенно они начали доминировать в войске, подниматься по служебной лестнице и даже входить в сенат. По большому счету Рим перестал быть Римом.

Думаю, что в любом обществе упадок нравов, утрата высоких идеалов, веры в семью, красоту, государство, наконец, являются спусковым механизмом, катализатором, запускающим разрушение общества и государства. Всё остальное вторично и проистекает из первого положения.

— Но я думаю, что с нами этого никогда не случится. В СССР семья на первом месте. Мы все трудимся на общее благо... — Возразил я Юрию Сергеевичу.

— Дорогой мой Иван Александрович, ваши бы слова, да Богу в уши! Упадок всегда начинается сверху. Поймите: рыба гниёт с головы, а чистят её с хвоста! Всегда, в любом обществе средний класс и пролетариат дольше оставались приверженцами семейных и общественных ценностей. Всегда стойко придерживались морали до тех пор, пока зёрна деградации, щедро рассеиваемые теми, кто у власти, не проникали в умы и сердца молодого поколения. Ведь вы знаете, кто платит, тот и музыку заказывает.

— Зачем верхам сеять семена деградации?

— Моральный, нравственный упадок всегда бросается в глаза духовно здоровому человеку. Чтобы не выделяться, не контрастировать на фоне здорового общества, верхушка разлагает его. И да, часто это делают враги. Разложат тех, кто у власти, а потом процесс запускается и в обществе. И всегда идёт борьба за молодое поколение. Его или надо уничтожить путём сокращения рождаемости, войн, или подменить духовные ценности и жизненные приоритеты. Недаром Моисей водил соплеменников 40 лет по пустыне, которую можно было пройти за неделю.

Семена изменений закладываются в ум и сознание молодёжи, и остаётся только немного подождать, пока они подрастут, окрепнут, созреют и принесут свои плоды.

А теперь представьте себе, что есть те, кто имеет долгосрочные планы, те, кто не торопится и играет в долгую. Обычный человек просто не в состоянии увидеть, осознать такие планы, просто потому, что срок его жизни много меньше. Вот вы планируете семейный бюджет?

— Конечно.

— На какой срок? Неделя? Месяц? Год?

— По-разному. Всё зависит от планов, доходов и потребностей.

— Пусть так, но я смею предполагать, что не больше, чем на 5 лет. А теперь представьте, что есть те, кто планирует на 50, 100, 150, 200 лет! Время для них не играет особой роли.

У них есть цель, у них есть план и средства осуществить этот план.

— Уж не о масонах ли вы говорите?

— Масоны лишь пена, они на виду. Вы думаете, нет тех, кто выше? Кто на самом деле строит планы и руководит?

— А вы думаете, есть?

— Я уверен, что есть. Не может не быть. Просто потому, что если смотреть на происходящее глобально, то можно уловить взаимосвязь процессов и событий.

— Вы хотите сказать, что у кого-то есть план относительно СССР?

— Не только СССР. Им нужно всё. И они играют на противоречиях. И сейчас мы для них враги, и они не успокоятся, пока не рухнет Варшавский⁵ договор, а потом, крадучись, подберутся и к нам.

— Вы думаете, что страны Варшавского договора откажутся от дружбы с нами?

— А что их удержит? Не так давно они принадлежали Западной цивилизации, и их социалистический путь исчисляется несколькими десятилетиями. Это не слишком много, меньше, чем Моисей водил свой народ по пустыне. Пока СССР крепок, и они будут стоять, но как только Союз покажет слабость и нерешительность, как только в массах забот-

⁵ Варшавский договор — это документ, который в 1955 году создал военно-политический союз европейских социалистических государств. На его основе появилась Организация Варшавского договора (ОВД)

ливо взрастят семена вражды, они падут, а некоторые умоются кровью, и из друзей превратятся во врагов. Забудут всё, и ужасы войны, и наши жертвы, и нашу дружбу.

— Вы говорите страшные вещи.

Юрий Сергеевич вздохнул.

— Дорогой мой Иван Александрович, я сам хочу, чтобы этого никогда не произошло, но я стараюсь смотреть на вещи объективно. Я очень надеюсь, что ошибаюсь в своих оценках. Поживём — увидим.

— Вы всё-таки думаете, что все это произойдёт? Думаете, что СССР под угрозой.

— Хочешь мира — готовься к войне. Рим был силён. До определённого момента. До тех пор, пока его духовный стержень не был сломан, не распался. До тех пор, пока погрязшая в роскоши элита не забыла о доблести былых времён. Они даже не подозревали, празднуя на пирах, что уже обречены. Рим умер изнутри. Я боюсь, что и нас ждёт такая же участь. Республики отойдут, ибо те, кто там у власти, захотят ещё больше власти, ещё больше денег, роскоши и вседозволенности. И на это все променяют будущее и свободу своих народов. Помните — «нет таких преступлений, на которые не пошёл бы капитал за 200 процентов прибыли»⁶. Они перепишут историю. Они всегда это делали, чтобы укрепить

⁶ Фраза «нет таких преступлений, на которые не пошёл бы капитал за 200 процентов прибыли» принадлежит Томасу Джозефу Даннингу — британскому деятелю профсоюзного движения и публицисту XIX века.

свою власть, а потом просто подождут, пока умрут старики, те, кто помнил былые времена, а воспитанная на ненависти молодёжь не займёт место ушедших. Золотой телец пленит и поставит на колени перед сильными мира сего, ибо слабые заискивают перед сильными, а сильными считают тех, кто станет коленом на грудь, а не даст руку помощи. Как говорят: не делай добра — не получишь зла. Проще воткнуть нож в спину, чем смотреть смерти в глаза.

— Я не верю, что братские народы способны на такое! Мы все одна семья!

— Да минует нас чаша сия! Но, как говорится, где тонко, там и рвётся. Спросите Константина Владимировича. Он пережил революцию, и знает, что это такое не понаслышке. Он видел, как ломали старое и как строили новое. Это боль и слом всей нравственной системы. Это кровь, вседозволенность и убийства. Только так утверждается новая элита. Нужен враг. И поверьте мне, врага найдут. Сделают врага из нас, великороссов. Есть только одно средство против этой чумы — сильный, решительный, волевой лидер. Он должен иметь чёткий план, видеть цель и иметь средства и возможности осуществить этот план.

— Вы хотите сказать — диктатор?

— Мы опять приходим к Риму. Диктатор переводится с латыни как... ну, самое близкое значение на нашем языке — повелитель. Мы не будем разбирать подробно разновидности диктаторов, если можно так выразиться. Отметим толь-

ко, что назначались диктаторы, те, что нас интересуют, в трудные времена, требующие единоличной власти. Именно единоличной, ибо политики своими переменчивостью, заинтересованностью, а иногда и продажностью, своими легкомыслием, страхом, алчностью способны погубить любое государство. Для того, чтобы выйти из кризиса, нужна единоличная власть. А это подразумевает и ответственность. И, увы, на благодарность потомков им, диктаторам, рассчитывать не приходится. Да и редко кто из них кончал жизнь по естественным причинам. Убьют, оболгут, оклеветают, присвоят заслуги, узурпируют власть, ибо лишены чувства благодарности, совести и нравственности.

— Юра, всё это, конечно, интересно и познавательно. Я думаю, что Иван Александрович по достоинству оценил твои откровения. Но не лучше ли спуститься с небес на землю и поговорить о чём-нибудь другом. Например, о твоей книге. Я почти уверен, что Ивану Александровичу эта тема будет и ближе, и понятней. Теории заговоров и прозрений давай оставим на другой раз. Тема, может, и интересная, но неблагодарная.

— Да, да, ты, как всегда, прав. Я слишком увлекаюсь и часто забываюсь.

— Да нет, мне было очень интересно.

— Да, Юрий Сергеевич умеет увлечь. Это у него не отнять. Но он часто забывает, что не всем и не всегда можно открывать душу, так недолго угодить в диссиденты.

— Ну нет, Константин Владимирович, мне кажется, вы излишне осторожны, не нужно утрировать.

— Быть может, ты и прав, Юра, но поверь мне, старику. Как ты сам говорил, я прошёл революцию и пережил чистки. Поэтому и держусь подальше от политики, наверное, потому до сих пор жив. Уж что, что, а монополия государства на применение силы иногда работает излишне хорошо, лес рубят — щепки летят. И щепок этих, как правило, много. И что государству за дело, что щепка живая, и что у неё есть своё мнение, свои взгляды на жизнь, своё видение того, как должно быть.

— Вот именно об этом мы и говорим! Государство имеет право на защиту своей идеологической основы, своего устройства.

— Юра, давай не будем запутывать Ивана Александровича. Ведь любое государство защищает себя. Капитализм защищает свои ценности, и мы в его глазах враги. Социализм стоит на страже своих принципов и те, кто считает личное обогащение, капитал превыше всего остального, являются антагонистами и должны быть исключены из системы. Но все дело в том, что репрессивный аппарат любого государства состоит из людей, опять же со своими взглядами, своей философией и моралью. И иногда щепкам везёт, как повезло мне, а иногда наоборот, не везёт. Поэтому ещё раз говорю тебе — не нужно раскрывать душу, не нужно выворачивать её наизнанку. Всегда найдутся те, кому ты неприятен, или

кто захочет за счёт тебя получить выгоду, подняться на ступеньку выше в, так сказать, пищевой цепочке возможностей. Свои взгляды можно иметь и в лагерях, но жизнь твоя там ничего не стоит, и отстаивать их за колючей проволокой и толстыми стенами невозможно.

Слушая разговор двух старых друзей, я понял, что спор этот давний, что разговоры на эту тему были уже не раз, и что я невольно стал свидетелем продолжения их полемики. Мне была непонятна их горячность. У меня не было знакомых, пострадавших или гонимых за свои взгляды. Я словно жил в другом мире. Он был прекрасен и красив. Красив людьми и архитектурой, природой и эмоциями. Я видел их в красках, ярких, запоминающихся. Мне хотелось их понять, впитать в себя и выразить на холсте. Краски эти копились, созревали и, достигнув критической массы, легко и свободно выливались на холст, превращались в картину, приобретали объём и форму, начинали жить своей жизнью. В такие моменты я был по-настоящему счастлив. Я не мог представить себе, что можно жить по-другому. Сегодняшняя беседа, разговор, затянувшийся далеко за полночь, словно расширили горизонты моего восприятия. Нет, я не особо задумывался над услышанным, я впитал его в себя. Оно должно улежаться, взреть, должно быть понято и принято моим сознанием. Мой мир постепенно расширял свои границы. Я чувствовал, что скоро поднимусь ещё на одну ступеньку, и буду видеть чуть дальше и чуть глубже.

Глава 3.

Повесть

Невольно посмотрел на часы, пол второго ночи. Спать совсем не хотелось, разговор увлёк меня. Это состояние мне хорошо знакомо. Концентрация внимания, сосредоточенность и захваченность процессом. Усталость наваливалась потом, иногда спал сутки напролёт. Так писались некоторые картины. Приходила идея, она крепла, зрела, обретала форму, наступал момент, когда приходило ощущение — пора. И тогда я брал кисти и краски, и почти всегда писал сразу, начисто.

— Давайте поговорим лучше об истории, о нашем наследии. Я думаю, это будет более полезно, чем разбирать конспирологию и теории заговора, — Константин Владимирович сходил на кухню за сигналящим в свисток чайником и заварил свежего чая. — Мне кажется, что твоя повесть заинтересует Ваню. Возможно, он захочет проиллюстрировать текст.

— А что, это идея! — Встрепенулся Юрий Сергеевич. — Иван Александрович, как вы на это смотрите? Конечно, я не смогу много заплатить, но если книга пойдёт в печать с вашими иллюстрациями, то могу гарантировать процент от авторских отчислений. Однозначно! Заключим договор, всё

сделаем официально.

Мне всегда было интересно, как увидят моих героев другие люди. Какие образы возникнут у них. Ведь, когда пишешь, то получается больше о внутреннем мире, о ситуациях и о том, как герои выходят из них. То есть о характерах и действии. А вот визуальная картинка у меня не очень ясная. Общие черты, цвет волос, голос — все это я представляю, но всё равно я больше о чувствах, наверное, потому, что не визуал. А у вас, как у художника, как у настоящего визуала, не должно быть проблем с видением, так сказать, действующих лиц и исполнителей. Я слышал, что есть или были художники, которые чётко внутренним взором видели картины или лишь переносили виденное на холст, — Юрий Сергеевич явно увлёкся новой темой. — Как бы мне хотелось вот так вот уметь создавать, уметь выразить себя через образы. Я, как мне кажется, неплохо рисую. По крайней мере на уровне школы, у меня была пятёрка по рисованию. Я перерисовывал открытки и даже пробовал рисовать с фотографий. Но у меня никогда не получалось изобразить что-то своё. Наверное, это архисложно, и не всем дано. Я больше выражаю себя текстом. Тоже, наверное, далеко не Толстой и не Чехов, но что есть, то есть, все мы разные.

— А о чём книга?

— Вы же знаете, я живу в Рязани. Это историческое место. Я просто не мог не написать о нём. О жизни города и его трагедии. Современная Рязань — это, можно сказать, и не Ря-

зань, а Переяславль-Рязанский, наследник, отпрыск старого города. Он вырос как отголосок былой славы и трагедии километрах в 50 от места, где раньше стоял старый город, печальную историю которого мы знаем ещё из школьных учебников. А рядом, почти на пепелище сейчас расположена деревня Старая Рязань. Там у нас домик, дача, так сказать.

Жить в историческом месте и не быть причастным к нему выше моих сил. Я часто хожу по тем местам, можно сказать, исходил их вдоль и поперёк. Даже сейчас поражают воображение старые крепостные валы. Это просто нужно видеть! Восхищают объём работ, упорство и трудолюбие наших предков! И это без экскаваторов, землеройных машин. Чем хуже египетских пирамид? Ведь только укреплённая часть города занимала больше 60 гектаров. Представьте — 60 гектаров, 84 футбольных поля! И всё это обнесено десятиметровыми валами с крепостными стенами на них. Один из крупнейших городов Древней Руси! — Юрий Сергеевич встал с кресла и заходил по комнате.

— Каждый раз, когда я хожу по городищу, когда с крепостных валов смотрю на Оку, у меня захватывает дух! Я не мог не писать! Все это для меня живое, родное! Я словно был там, словно видел своими глазами и осаду, и гибель города, — рассказчик помолчал.

— Красивейшие места! Вы должны это увидеть. Обязательно должны увидеть! Ни фотографии, ни рассказы не передадут ни атмосферу, ни объём, ни дух места, — Юрий Сер-

геевич вздохнул.

— Сейчас, конечно, события того времени, той зимы 1237 года, для нас, жителей 20 века, не так трагичны, ибо далеки во времени, а посему мы судим о них абстрактно, не вовлечённо, безэмоционально. Они от нас бесконечно далеки, ведь даже Великая Отечественная война уже кажется чем-то далёким и нереальным. Со временем забываются и боль, и страдания. Человек хочет жить светлым будущим, его питают надежды, он ищет счастье в настоящем. И, наверное, он прав. Но что мы есть без памяти о нашем прошлом, о былых делах и битвах, о наследии великом и временами трагичном.

Да, человеческая природа такова — живому про живое и думать. Но давайте не будем забывать и славные времена, и победы, и поражения, и горькую чашу скорби и утрат, ибо это и делает нас теми, кто мы есть — Людьми. Именно Людьми, с большой буквы, — Юрий Сергеевич вновь опустился в кресло. Чуть посидел молча:

— Я живу там. Хожу по местам, где когда-то кипела жизнь. И всё во мне словно бурлит от напряжения эмоций. Я не могу не думать о том времени, о той зиме, о том последнем миге, последней секунде, последнем вздохе города.

Мы молчали. Молчал и рассказчик.

Я подумал о том, что Алёна спит и не слышит этот рассказ. Она спит и ей, наверное, снится дом или наш будущий малыш. А может, она гуляет в райских садах... Может, и хорошо, что не слышит эту скорбную повесть о последних днях

древнего города.

— Может, я пристрастен, — продолжал рассказчик, — может, вовлечён эмоционально. Не знаю... Но я должен был попытаться написать об этих событиях. Я был на раскопках, я видел остатки этой трагедии. Я видел пробитые черепа и следы сабель и мечей на костях. Я всё это видел. Я должен был попытаться освободиться от этого груза. Я смотрел на кости, а видел живых людей. Видел их последние минуты и агонию, словно эта трагедия, эта боль догнали меня спустя века забвения.

Я старался писать объективно и отстранённо, но герои тех времён, словно живые, стояли перед моими глазами с их надеждой, любовью, болью и страхом. Они словно до сих пор живут там, в том граде на холме. Я писал и слышал их смех, видел признания в любви, тяжесть ожидания неизбежного. Видел, как угасал последний лучик надежды и как рушились крепостные стены, и жар от пожарищ топил снег и осушал землю, пропитанную кровью. Я всё это видел...

Юрий Сергеевич сидел в кожаном кресле. Он казался отсутствующим. Его взгляд, направленный куда-то вдаль, в неизвестность, в небытие, как будто пронзал время. Пауза затянулась, картинки, возникшие перед внутренним взором во время его рассказа, начали меркнуть и рассыпаться как ледяной дождь ярких пятен. Да, рассказчик он был великолепный.

Наконец он тряхнул головой, словно пытался сбросить с

себя наваждение, и продолжил рассказ:

— Мой дед командовал сотней, ещё тогда, в гражданскую. Он рассказывал мне, как сшибались в схватке конные отряды, как сверкали шашки, ржали и кусались кони. Он говорил о том, как не дают ему спать глаза совсем молоденького паренька, почти мальчика, которому в сшибке отрубил шашкой руку. О том, что время в схватке словно замирает, становится медленным и тягучим, что у тебя нет возможности думать и рассуждать, что твои тело, выучка, инстинкты главенствуют над разумом. Что он не мог остановить замах и видел в глазах того паренька непонимание, страх и ужас неизбежного. Я вспоминаю его рассказ и вижу всё это в тех декабрьских днях. Последних дней города. Наверное, нет ничего страшнее рукопашного боя...

Впрочем, речь не об этом. Я часто думаю о том, что нам не суждено знать свою судьбу. Что вятичи, основавшие этот город, даже предполагать не могли, какую горькую чашу суждено испытать их потомкам. Ведь не только чужестранцы смотрели на эти земли, но и соседи не прочь были поживиться. Например, Всеволод III Большое Гнездо, князь Владимирский в 1185 и в 1207 году разорял рязанские земли, в 1208 и вовсе сжёг, после восстания. Многих казнил, а женщин и детей вывез и разослал, расселил по городам своего княжества. Два года град пустовал, и только с милости победителя уцелевшие смогли вернуться в родные края. И город восстал из пепла. Наследникам Всеволода Юрьевича в здоро-

вом смысле отказать трудно, Рязань, как форпост на границе степных земель, была важнее, чем самолюбие победителя. А то, что Всеволод Юрьевич не терпел неповиновения и восстаний, так его тоже понять можно: он помнил, как предали и убили его брата, Боголюбского, а потому бунтов не прощал. Жестокие времена.

Юрий Сергеевич вздохнул:

— Да, град, как феникс, восстал из пепла. Он разросся и расцвёл, и в нём снова закипела жизнь. Знали бы рязанцы, что им отпущено всего 30 лет. Грозовые тучи войны уж сгущались на горизонте и войска Чингисхана 31 мая 1223 года в битве на реке Калке разбили сборные киевские, смоленские, черниговские, галицко-волынские полки. Жестокое поражение и смерть. Пир воронов и волков, плач жён и матерей. Но, увы, горечь поражения не сплотила амбициозных, жаждущих власти. Междоусобицы и дразги продолжались. Грызня, брат брату не брат, сосед соседу не друг...

Рассказчик налил себе чая, уселся поудобнее, отхлебнул из чашки. А я сидел и слушал, затаив дыхание. Воображение моё уже рисовало безбрежные леса, могучую реку, в излучине которой поднимались крепостные насыпи и стены. Ходили люди, скрипела колёсами телега, груженная сеном, раздавался говор... Он должен быть другой, свой, рязанский, не похожий на наш... Хотя по Юрию Сергеевичу не скажешь. А, впрочем, он ведь только живёт в Рязани, откуда он родом, я ведь не знаю...

Выпив чая, Юрий Сергеевич продолжал:

— Рязань расцветала. Она стала больше, росла вширь и крепла. Её князь, мой тёзка Юрий Ингваревич с тревогой смотрел в сторону степей. Он понимал, что рано или поздно поражение на Калке неминуемо приведёт к тому, что жаждущие крови и богатств придут, ибо увидели слабость, увидели, что полки русские, хоть и стояли насмерть, но не имели единоначалия. Тогда они не пошли дальше, победа на Калке дорого им досталась, умылись они своею кровью.

Князь рязанский надеялся, что есть ещё время, он верил — соседи не оставят, придут на помощь, и сам готов был идти по первому зову. Время бежит, не остановить, и роковой год настал. Боги пришли вершить судьбу народов. Жребий брошен, и живые уже отделены от мёртвых.

Но жизнь идёт своим чередом, люди есть люди, не многие способны смотреть вдаль, не многие думают далеко вперёд. Живи, добывай хлеб свой насущный, думай о семье, а придёт завтрашний день, и он сам о себе позаботится. Осенняя пора, убран урожай, сыграны свадьбы, купцы торгуют, ремесленники трудятся в мастерских, охотники заняты охотой. Всё как всегда. Но тучи уже чернеют на горизонте. Дозорные уже видят разъезды неприятеля, и чёрные дымы сожжённых селений всё ближе подходят к границам рязанского княжества — идут войска Батыя. Битва неизбежна.

Юрий Ингваревич, князь рязанский посылает гонцов к соседям, ждёт вестей, а войска Батыя уже подходят к реке Во-

ронеж.

Никто не пришёл, кроме князей Муромских — Юрия Давыдовича и Олега Юрьевича. Они да племянники князя — Олег и Роман — вот и всё, что было. Князь Владимирский, Георгий Всеволодович отказал в помощи, не пришли на помощь и другие князья.

Но надежда ещё теплилась. Князь пытался отвести беду стороной, откупиться или, по крайней мере, выиграть время.

В ставку врага отправляется посольство во главе с сыном князя Фёдором Юрьевичем. Они везут богатые дары, они едут за надеждой.

Фёдор Юрьевич, молодой, горячий, словно необузданный степной скакун. Он понимает, что шансов решить дело миром нет или почти нет. Не верит в успех посольства, но едет, не ехать не может...

Юрий Сергеевич встал с кресла и в волнении заходил по комнате.

— Что он мог сделать?! Как отвести беду стороной?! Он понимал, что почти наверняка едет на смерть.

Юрий Сергеевич безостановочно ходил по комнате. Было видно, что собственный рассказ эмоционально захватил его.

— Извините. Меня всегда волнует этот момент. Ничего не могу с собой поделать. Я почти физически ощущаю это чувство напряжения эмоций и обречённости. Мне кажется, что он уже попрощался с жизнью и просто хотел уйти достойно.

Рассказчик встал у окна, отодвинул штору и долго смот-

рел в ночную темноту, украшенную желтоватым светом уличных фонарей.

Наконец он вздохнул и вернулся на своё место, в кресло.

— Н-да... Ну вот, «Повесть о разорении Рязани Батыем» говорит нам о том, что посольство было принято неласково, ибо враг чувствовал свою силу. Рязани предложили открыть ворота, выплатить дань, а в знак покорности послу, князю Фёдору Юрьевичу, отдать свою жену в наложницы. Злые языки нашептали Батыю о её красоте. Подлая змея всегда жалит исподтишка. Разве мог молодой князь позволить надругаться над честью своей супруги? Разве мог стерпеть такое оскорбление?

Да он и понимал, что это всего лишь предлог, всего лишь уловка, ведь решение давно уже принято.

И, конечно, ответ был ожидаем: когда повоюешь нас, тогда и жёнами нашими владеть будешь! Посольство было убито. Батый двинулся на Рязань.

Юрий Ингваревич с братьями своими и другими рязанскими князьями выступил с полками к границе. И была сеча велика, и стояли насмерть, защищая свою землю от лютого врага. И первым испил чашу смертельную Давид, брат князя Юрия. Погибли и другие братья: Глеб Коломенский, Всеволод Проньский, а племянника Олега Ингваровича захватили живым и за отказ сменить веру и служить Батыю рассекли на части. Много тогда погибло и князей, и воевод, лучшие сыны пали, но не отступили, не бежали с поля бра-

ни. Жестокие времена, жестокие, звериные нравы.

Кровавым катком катилось войско Батыя к Рязани. Разграблены и сожжены Проньск, Бел, Ижеславец и другие города. Но редело и Батыево войско, а потому под град Рязань подошёл он в дурном расположении духа.

А рязанцы готовились к обороне и надеяться могли только на чудо. Дружины пали на реке Воронеж, помощи не было, и надежда была лишь на самих себя да на крепостные валы и крепостные стены.

— А как же князь, Юрий Ингварович, он тоже погиб на реке Воронеж?

— Князь? Здесь нет единого мнения. Летопись говорит, что погиб, хотя некоторые историки утверждают, что с остатками дружины он отступил в город. Кто теперь точно может сказать это? Догадки и предположения. История часто строится на них. Хоть это основание и зыбко, но другого не имеем.

Судьба супруги Фёдора Юрьевича так же не совсем ясна. Мы знаем лишь, что она выбросилась из окна со своим маленьким сыном. Как повествует летопись, это произошло в момент, когда она узнала о гибели своего супруга, но некоторые утверждают, что всё произошло во время штурма города. Что есть правда? Что есть вымысел? И насколько это важно? Первый вариант говорит о силе любви, второй — о безысходности. Какой вам ближе? Какой больше нравится? Мне — первый. Да и что ждало бы её, не окончи она свою

жизнь самоубийством? Что ждало бы её сына? Сколько людей погибло в декабрьские дни 1237 года. Ведь число жителей Рязани доходило до 8 000 человек, не считая тех, кто пришёл в надежде укрыться за крепостными стенами.

Пять дней длился штурм. 21 декабря город пал. Убивали без счёта. Ни младенцев, ни стариков, ни женщины, ни детей — никого не щадили. Кого не убили сразу, тех топили в реке. Я видел остатки того кровавого пиршества на раскопках у Спасского собора. Война и смерть... неприглядная, отвратительная в своей жестокости. Ни одно животное не способно на такое. Я часто думаю: что в человеке и человечестве в целом такого, что толкает его на такую жестокость по отношению к себе подобным? Как можно упиваться жаждой насилия и чужой болью? Что в нас есть, что заставляет совершать такие зверства? Сбой генетического кода? Извращённая мораль? Или что-то другое — ещё непонятое, ещё не осознанное нами. Я знаю только одно: человечество далеко ушло бы вперёд, не будь этого проклятия. Космос давно уже покорился бы человеку разумному, но был и будет недоступен человеку жестокому. Чем мы больны и есть ли от этого лекарство? Я много ездил по миру, многое видел, надеюсь, многое понял. Пока миром правит капитал, жажда власти и алчность будут цвести в людских сердцах. Пока это так — ничего не изменится. Войны не прекратятся, сильный будет угнетать и эксплуатировать слабого, людская боль ублажать сердца жестоких.

— Так что же делать?

— Что делать? Я не знаю... Сколько приходило светлых душ, сколько раз пытались вытащить человечество из тьмы заблуждений? Без счёта! Вспомните Кришну, Будду, Христа, наконец... Помните, как написано: и пошлют Боги Странника многомудрого, и распнут его, и по смерти его объявят богом и во имя его потекут реки крови⁷.

Я смотрю на мир и вижу, что целые века, тысячелетия идёт селекция, отбор. А цель проста — уничтожить в человеке всё человеческое, убрать ген здравомыслия, человеколюбия, доброты. Тем, кто у власти, нужно стадо, послушное, безропотное стадо. Им не нужны города, не нужно столько населения. Приди они окончательно к власти, и всё это исчезнет, останутся лишь они и обслуга, покорно трудящаяся на полях и ублажающая господина. Ни технологий, ни медицины, ни знаний — всё это для избранных. Искусственный интеллект, роботизированные линии и рабы. Но вспомним Рим. Его уроки дают надежду и нам. Жизнь невозможно удерживать в клетке вечно. Она просочится, вырвется наружу и, как в те далёкие времена, разовьётся и окрепнет в лесах. Придёт время и молот возмездия обрушится на голову тех, кто, упиваясь властью и бездельем, забыл о том, что технологии без человека ничто. Всё рухнет. И на развалинах старого мира, из пепла пожарищ появится новая надежда, и, может быть, тогда человечество пойдёт другим путём. А мо-

⁷ Славянские Веды.

жет вновь наступит на старые грабли. Кто знает...

— Юра, Юра. Начали мы за здоровье, а кончили — за упокой. Не хочется думать о грядущем в таком ключе. Тебе бы, дорогой мой, фантастические, а не исторические повести писать. Чем не Беляев, а, Иван Александрович? Что скажешь?

— Я не знаю, что сказать.

— Вот видишь, Юрий Сергеевич, твой сегодняшний монолог немало смутил нашего молодого друга. А я всё же надеюсь и верю, что наш народ сможет пронести искру истинной веры и надежды в грядущие века. Предрассветная тьма, в конце концов, развеется, распадётся, и солнце доброты и счастья осветит многострадальную землю.

Глава 4.

Дом с мезонином

Рязань встретила ясной погодой. Я надеялся, что это хороший знак. Пока поезд шёл по городу, я смотрел в вагонное окно. Вроде ничего нового, город как город. Внешне он похож на сотни, тысячи других городов. Различия понимаешь потом, когда со временем ощутишь его индивидуальность, душу города. И опять же, если будешь жить в нем долго, устроишься на работу, обзаведёшься жильём, то всё твоё мироощущение, за редким исключением, скукожится до микрорайона, в котором ты живёшь, и дороги на работу и с работы. Ты вращаешься в его структуру, станешь неотъемлемой частью, кусочком мозаики в общей картине, из восхищённого зрителя превратишься в одного из прохожих, незаметного, не выделяющегося на общем фоне, со своими повседневными обывательскими заботами и хлопотами. Красота города померкнет для тебя, восхищение сменится заботами о хлебе насущном. Пожалуй, как гость, ты способен более трезво, адекватно оценить и его красоту, и индивидуальность. Сегодня ты здесь, а завтра там. За этот короткий миг ты сможешь рассмотреть только фасад, посетишь самые красивые исторические места и увезёшь с собой яркие впечатления о мимолётной сказке, к которой прикоснулся вскользь и не успел

увязнуть, не лишился свободы и воли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.